

ШПРОТЫ

«Без водки – скучно...»

Из к/фильма «Джентльмены удачи»

Ровно в полдень первого января 1976-го года я смущенно топтался в гулком, темном холле перед высокой закрытой дверью, мысленно проклиная свою нерешительность. Черная, массивная дверь всем своим видом говорила, что делать мне в том доме вообще-то было нечего. Даже кнопка обычного звонка была приделана где-то на уровне лба, что вряд ли соответствовало среднему росту советских людей. Конечно, звонок ставили по-выше, чтобы шаловливые дети не беспокоили жильцов профессорского дома на Красностуденческом проезде, но мне казалось, что даже проклятый звонок был против меня. Да, что звонок! На уровне моей макушки тускло блестела бронзовая табличка со звонкой двойной фамилией и гордым званием «Профессор...». Я посмотрел на свои промокшие ботинки, известные в Москве под названием «прощай молодость», и зачем-то стащил с головы мокрую заячью ушанку – проклятая слякоть! Если бы мне, среднему советскому десятикласснику, было знакомо известное произведение товарища Булгакова, то сравнение с «шариковым» у двери профессора Преображенского было бы уж слишком навязчивым. Наконец, решительно вдохнув, я нажал блестящую кнопку, но ожидаемого звонка я не услышал...

«Профессорский дом» на Красностуденческом проезде в наше время и популярные в свое время ботинки «прощай молодость».

Красностуденческий проезд города Москвы был не «моим» районом. Расположенный с противоположной стороны Тимирязевского лесопарка, тогда еще густого и населенного многочисленными белками, Красностуденческий проезд стал последней улицей старой части обширного Тимирязевского района столицы. От самого Садового кольца на юге и вплоть до учебных полей Тимирязевской сельскохозяйственной академии ТСХА сохранились постройки старого образца, а многочисленные «генеральские» дома на Петровско-Разумовской напоминали кварталы станции Сокол. Из знаменитостей там, к примеру, проживал скульптор Е.Вучетич, а его особняк-мастерская на опушке Тимирязевского лесопарка пугала прохожих исполинской головой скульптуры Родины-матери, установленной в Волгограде. За Красностуденским проездом начинались новые районы блочной застройки 1960-70-х годов, простиравшиеся до Окружной дороги

на севере. По иронии судьбы я родился как раз в тех старых домах, ближе к Савеловскому вокзалу, но вырос я в спальном микрорайоне на противоположной стороне лесопарка, и старую, «престижную», как сказали бы сейчас, часть не считал «своей». Забавно, что через 14 лет после описываемых событий я получил квартиру в новом доме все на том же Красностуденческом проезде. Вероятно, знатокам старой Москвы известен старинный трамвайный павильон-остановка «Красностуденческий проезд» на тенистой улице Дубки, который сохранился до наших дней.

Вид из гостиницы «Молодежная» на Красностуденческий проезд, 1970-е годы. «Профессорский дом» расположен в конце улицы слева, за блочными девятиэтажками.

..Я прислушался, но за массивной, звуконепроницаемой дверью было тихо. Я уже собрался уходить, когда дверь открылась, и в тусклом просвете двойной двери я разглядел долговязую фигуру своего одноклассника Юры, хозяина благородного профессорского жилища. Он махнул мне рукой и гаркнул кому-то в темноту: «*He-e, это Босс пришел!*» Услышав свое привычное школьное прозвище, я сразу почувствовал себя увереннее и поспешил внутрь, пока хозяин не передумал. Юра снова махнул мне в сторону внушительной вешалки, плотно завешенной одеждой, и исчез в конце длиннущего коридора, по размеру, как мне показалось, длинней моей родной квартиры. Я с удовольствием скинул мокрые войлочные ботинки и с любопытством проследовал за хозяином. Коридор привел меня в большую гостиную, которая до сих пор смело могла называться библиотекой. Огромные книжные шкафы, тяжелая деревянная мебель, старомодные кожаные кресла, вероятно, принадлежали самому профессору – дедушке моего одноклассника. Я бы с удовольствием продолжил бы знакомство со столь интересным интерьером, но по всему было видно, что в этом доме сегодня было не до меня...

Старинный павильон-остановка Красностуденческий проезд, 1970-е годы.

О том, что мой одноклассник Юра был внуком известного в свое время профессора я не знал до 10-го класса. Худая, тощая фигура старшеклассника вряд ли наводила на мысль об избранности, а мятая ковбойка и советские штаны-техасы – о великом достатке. Юра был, если не всеобщим любимцем, то, по крайней мере, желанным членом компании. Его философский взгляд и меланхоличный юмор никому не причинял вреда. С материальной точки зрения Юра не отличался от нас всех, обычных московских школьников, у которых в кармане было копеек двадцать. Я бы никогда не узнал подробности жизни «простой» профессорской семьи, если бы не мой школьный приятель, известный по прозвищу Тэк. Он считался другом нашего Юры и даже иногда был принят в его доме, по «территориальному признаку», так сказать. Не секрет, что у многих дружба начиналась в раннем детстве, во дворовой песочнице, куда мамы притаскивали своих детей из соседних домов. Тэк жил в соседнем от Юры доме и знал его еще с дошкольного соплевого возраста. Однако, даже поступление в один и тот же класс спец-школы номер 9 со временем не очень сблизило моих друзей-одноклассников: вероятно, стала сказываться социальная разница. Мой приятель Тэк жил в соседнем, таком же старом доме, но в разделенной давно забытыми «швондерами» коммуналке, а Юра проживал в старой неподделенной профессорской квартире деда. Это все я узнал позже, ибо мой приятель не очень распространялся о жизни своего соседа.

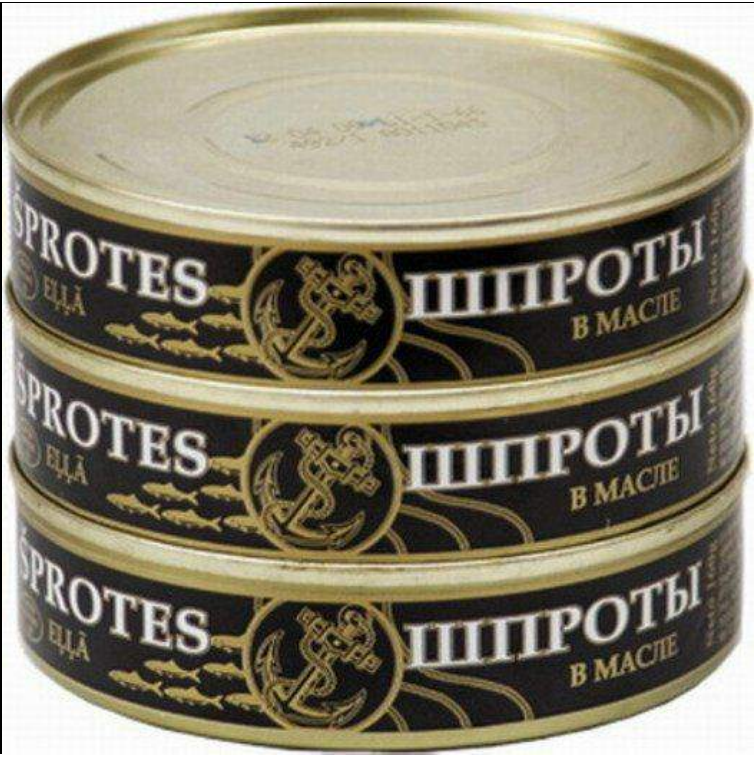

Москва, 1970-е годы.

..Какая-то встрепанная девица, показавшаяся мне безнадежно старой, недовольно бросила на меня взгляд и торопливо потащила куда-то огромный таз с грязной водой. В воздухе витал застоявшийся аромат долгой пьянки под названием Новый год - смесь курева, еды, алкоголя и чего-то еще, что, вероятно, смывается только очень большим количеством воды. Откуда-то слева доносилась музыка Битлз, возможно, как умиротворяющее средство сильного похмелья. Мимо меня снова пробежали озобоченные женские фигуры и скрылись в коридоре в направлении кухни. Посреди кабинета-библиотеки, простиралась фигура моего приятеля Тэка, который лежал колдовал над большим темным пятном на деревянном, выскобленном до бела полу. Тэк пружинисто вскочил на ноги, закрутил крышку на маленькой бутылочке и, не обращая на меня никакого внимания, заговорил высоким, нарочито беспечным голосом.

«- Нет, Юра, это элементарно: надо разложить жирные кислоты щелочным гидролизом. Мы получим глицерин, который разлагается.....»

При этом приятель загнул такие формулы, что я уже его не слушал. Тэк был прирожденным химиком и его знаниям следовало доверять. Экскурс в область прикладной химии не очень впечатлил хозяина дома, который только устало бросил: *«Давай!»*, когда Тэк побежал домой за новой порцией химикатов. На мой недоуменный вопрос Юра широким жестом показал на невыводимое, по всей видимости, пятно на полу и с присущим ему юмором сообщил подробности ночного разгула. Оказалось, что, выпив водки, (подозреваю, впервые в жизни), Тэк разошелся, и, услышав эпохальные аккорды Smoke on the Water группы Deep Purple, вскочил танцевать посреди комнаты, смахнув на пол открытую банку шпрот. Когда удалось усмирить танец пещерного людоеда, было уже поздно: любимый советский деликатес был прочно втопан ботинками в драгоценную древесину пола. Я представил реакцию родителей Юры на последствия молодежного Нового года и понял, что мой приятель Тэк «попал», говоря по-современному, серьезно. Вокруг продолжали сновать какие-то незнакомые люди, и я поспешил напомнить хозяину о цели своего визита...

Deep Purple и шпроты – праздничное сочетание.

У нашего одноклассника Юры было еще одно великое преимущество: у него был старший брат в «досегаемом» возрасте. Давно известно, что разница в возрасте детей, скажем, 10 лет, чаще всего разделяет, а разница в пять лет продолжает поддерживать контакт. Старший брат Юры был студентом-старшекурсником какого-то престижного математического ВУЗа, и Юре с его неоспоримым математическим талантом было на кого равняться. Способности передались по наследству от их отца – ученого-математика, молодого профессора, занимавшего к тому времени уже солидную должность. К слову, мать Юры была переводчицей и работала в каком-то важном издательстве. В общем, за квартиру профессора было не стыдно – ее наследники были людьми интеллигентными и талантливыми. Не нужно говорить, что вместе с интересом к математической науке десятиклассник Юра унаследовал от брата студента солидный музыкальный запас. Битлз, Роллинг Стоунз + полная коллекция классического тяжелого рока были частью жизни советского студенчества начала 1970-х. Не трудно представить, что относительный достаток профессорской семьи позволял старшему брату пользоваться настоящими музыкальными первоисточниками – вожделенными виниловыми дисками. В Москве в то время существовал разветвленный подпольный рынок музыки, куда присылали, привозили и провозили диски всех стран и народов. К сожалению, наш Юра не стал меломаном, он не философствовал по поводу многозначительной белеберды в текстах Битлз или об уникальных гитарных звуках Пинк Флойд. Иногда он просто поддерживал разговор, стараясь не распространяться о «золотых» музыкальных залежах на полках старшего брата. Совершенно случайно мне удалось вытянуть из немногословного одноклассника, что у него была нужная мне запись Элтона Джона, и я до неприличия стал донимать его просьбой одолжить мне нужную пленку. Наконец, Юра сдался и предложил приехать к нему в полдень 1 января, когда родителей не было дома.

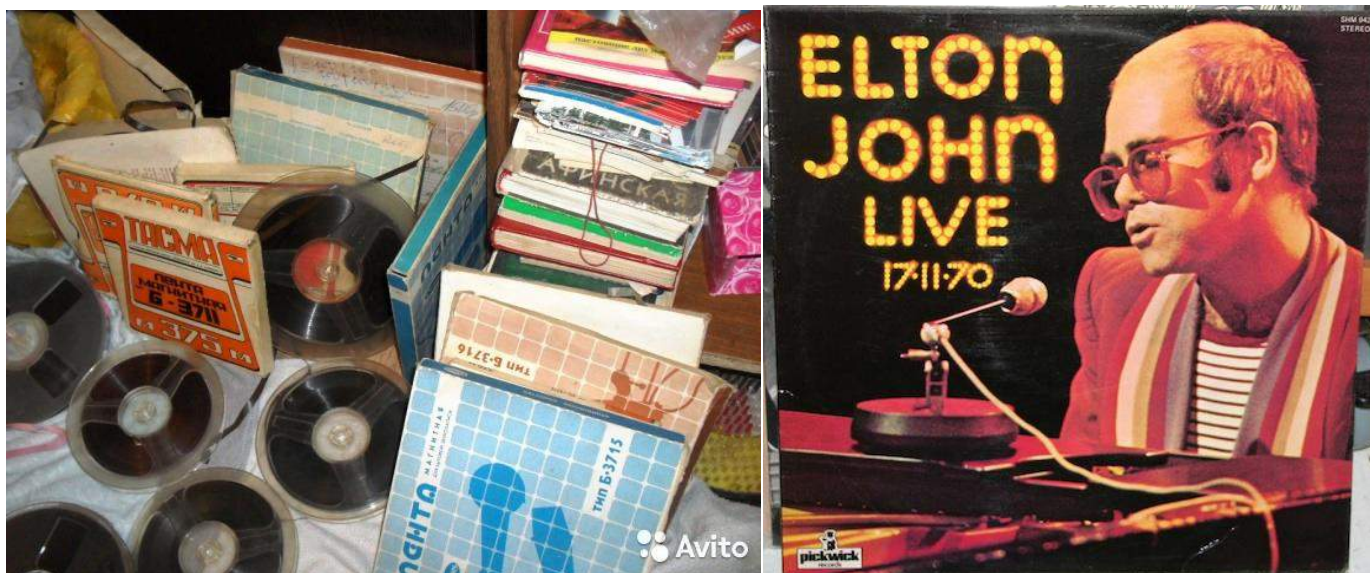

Москва, 1970-е годы.

Неожиданно о демократии мне напомнил мой приятель Тэк в предверии Нового 1976-го года, строго по секрету рассказав о профессорской семье. Когда нашему знакомому Юре стукнуло 16 лет в благородном семействе был собран демократический совет за круглым столом. Оказывается, с получением паспорта младший сын получил некое право на собственный голос и на право пользования основными «базами» - квартирой и огромной профессорской дачей в ближнем Подмоскowie. Далее следовал рассказ о демократичном разделении «владений» на праздники, включая нашего одноклассника, что признаться, тогда совершенно не укладывалось в моей голове. (Мне невозможно было представить, чтобы мои родители сами бы спросили меня когда я хочу использовать нашу квартиру под молодежную пьянку??) Однако, получалось, что в профессорской семье Юры действительно было демократия. Совет перед Новым годом предоставил квартиру нашему Юре, родители убывали на дачу, а старший брат праздновал где-то у друзей. Неожиданный отъезд брата оставил его многочисленных друзей-халявщиков без привычного сытого праздника, и, как я понял потом, многие из растерянной компании прибились праздновать Новый год по привычке в профессорской квартире, благосклонно допущенные молодым хозяином. Это объяснило наличие в доме каких-то странных личностей явно пост-студенческого возраста, вряд ли знакомых нашего Юры. Немолодые девицы честно отработывали приглашение, отмывая дом после пьянки, и только зияющее посреди белоснежного пола жирное пятно было молчаливой угрозой редкой семейной демократии...

...Мой коленапреклоненный приятель-химик продолжал капать пипеткой на пол какую-то гадость, на что старая дубовая древесина угрожающе стала менять цвет на буровато-красный. «Тэк, оставь это!», безнадежно просил Юра, но я знал, что моего приятеля теперь не остановишь. Я продолжал торчать перед хозяином, добиваясь более конкретного направления в сторону магнитофонных залежей. Юра махнул рукой и повел меня по коридору, пока мы не оказались в длинном, как пенал, помещении, который при некоторой фантазии можно было назвать по-английски – study. Комната была завалена рулонами чертежей, книгами и тетрадями, вероятно принадлежавшими старшему брату Юры. Наконец откуда-то из-под завалов на свет была извлечена объемистая коробочка доверху заполненная магнитофонными катушками. «Ищи сам!» - безапелляционно заявил хозяин, и я понял, что его терпение больше испытывать было нельзя. Я поблагодарил и принялся разбирать драгоценное сокровище, надеясь, что кто-то потрудился подписать коробки, а главное – указал скорость записи.

В 1970-х в большинстве случаев оригинальные диски многократно переписывались на магнитофонные катушки для домашнего прослушивания.

Для читателей, рожденных в цифровый век, следует сделать некое пояснение. Для нас, доморожденных меломанов середины 1970-х годов, существовало всего два носителя музыки: диск для иглочного проигрывателя и магнитофонная лента на катушке. Нам еще повезло, что руководство СССР в свое время приняло международный стандарт звукозаписи, иначе мы бы мучились со своей музыкой, как первые перестроечные видео любители, переключая по возможности цветовую систему видео-кассет с малопопулярной SECAM на PAL. Советский военно-промышленный комплекс вполне надежно снабжал рынок катушечными магнитофонами разного уровня сложности и сносной надежности. Знаток утверждали, что большинство популярных отечественных аппаратов были слегка упрощенными копиями дорогих SONY и National Panasonic, но нам было все равно, лишь бы звук был громкий и достаточно качественный. Для меня, владельца среднего по стоимости моно-магнитофона Астра-205, основная проблема была найти качественную запись на скорости 9, ибо «престижной», используемой для стерео записи, скорости 19 у меня на магнитофоне, просто, не было.

«Стандартные скорости ленты в бытовых катушечных магнитофонах — 4,76, 9,53 и 19,05 см/с (в некоторых высококлассных применялась и 38,1 см/с); в студийных — 9,53, 19,05, 38,1 и 76,2 см/с. Медленные скорости 2,38 и 4,76 см/с считались «диктофонными» (скорость 2,38 см/с встречалась редко, в основном в тифлотехнических аппаратах^{[13][14]} и регистраторах). В кинематографии для синхронной записи звука могла применяться скорость 45,6 см/с (скорость протяжки 35-мм киноплёнки), в спецаппаратуре встречалась также скорость 28,0 см/с. Все возможности качественной записи реализуются на высоких скоростях, 19,05 см/с и выше. Скорость 9,53 см/с считалась минимально приемлемой для записи музыки и была основной (а часто и единственной) в недорогих аппаратах. Стандартные скорости были приняты в середине 1950-х годов, до того они были разными у разных фирм, и записи были несовместимы.»

Wikipedia 2016.

Я не был удивлен широчайшему выбору предоставленных мне магнитофонных лент. Аккуратно подписанные коробки были когда-то систематизированы, но со временем они были забыты хозяином, который, вероятно, в последние годы стал коллекционировать настоящие диски. Мой одноклассник Юра, судя по всему, не очень увлекался современной музыкой, лишь изредка выискивая редкую запись для нужных людей. Кто-нибудь в те годы посчитал бы полным счастьем покопаться в той драгоценной коробке, но я смело откладывал в сторону всевозможные Кисс, Деш-Мод и прочие Генезис. Я слушал то, что мне нравилось, что возможно, по чьему-то мнению было весьма ограниченным вкусом. Для меня всегда на первом месте была мелодия, поэтому в моей коллекции находились и АББА, и Би-Джиз, Битлз и Элтон Джон. За последние годы в школе я выучил наизусть всю рок-оперу Джизус Крайст Суперстар, что неплохо помогло мне подучить английскую лексику, и, признаться, получить некую общую информацию о библейской истории, недоступную советским школьникам. Интересно, что живя в христианской пока Австралии, я периодически сталкиваюсь с давно забытыми английскими библейскими именами, запомнившимися со школьных времен.

Магнитофон Астра-205 и обложка американской записи Jesus Christ Superstar 1974-го года.

Я засунул магнитофонную пленку в рукав своей еще влажной болоньевой куртки и вернулся в гостиную в надежде найти повод посидеть в профессорском доме еще. Юра куда-то исчез вместе с Тэком, вероятно, обсуждая неоспоримый ущерб, нанесенный жилищу, когда передо мной появилась щуплая фигура студента в старомодных очках с плохо пробивающимися усиками.

- Привет, меня зовут Дима. Ты пьешь водку?

Я открыл рот от неожиданности и вместо ответа вяло кивнул, хотя, водку я пробовал всего один раз в жизни в городе-герое Одессе. Полтора года назад какой-то подгулявший мареман от похмельной скуки угощал всех водкой в баре рейсового прогулочного катера, курсировавшего вдоль курортного побережья Одессы. Не найдя собеседников, моряк налил водки нам, двум пятнадцатилетним московским школьникам, случайно оказавшимся на борту. Задушевной беседы за рюмкой я совершенно не помню, но, доехав до ближайшей пристани, я отправился купаться на глазах переполненного городского пляжа. В тот день наблюдалось редкое природное явление похолодания воды, когда в разгар лета холодные массы воды из глубины поднимались вверх. На поверхности температура воздуха зашкалила за +30, а вода устойчиво показывала всего +10. На развлечение всей курортной публики я решительно разделся и бросился в ледяную воду, которая быстро привела меня обратно в норму.

- Пошли, - сказал мой новый знакомый, и мы последовали на кухню, неуютную и нелогичную по планировке, какими бывают кухни в барских домах. Сев за клеенчатый стол, Дима привычно поставил простые рюмки и полную бутылку водки, вид который несколько озаботил меня. Прочитав на моем лице сомнение, студент по-хозяйски нырнул вниз, и на столе воцарилась трехлитровая банка с огурцами домашней закрутки, как видно, с профессорской дачи. Я нерешительно посмотрел вокруг, но мой собутыльник с пониманием подбодрил меня, и я решительно поднял рюмку, продолжая удивляться недоступной мне семейной демократии.

Составляющие задушевной беседы.

Как и предполагалось, едкая жидкость неумело попала в нос, я зажмурился, издал хрюкающий звук и громко закашлялся. Дима благодушно выдержал невозмутимую паузу, положил большой, желтоватый огурец на мою тарелку и снова налил рюмки. «Вот, так надо», с этими словами он картинно выдохнул, медленно влил в себя рюмку и, не торопясь, с растяжением зажевал огурец. Прошло много лет, но я навсегда запомнил тот первый урок с огурцом. Увы, красиво пить водку – это тоже талант! Я старательно последовал совету, и с удивлением обнаружил, что действительно мой неожиданный собутыльник был прав, водку можно пить с удовольствием. Дима удовлетворенно посмотрел на меня, вынул пачку Шипки и стал говорить...

СССР, 1970-е годы.

Я никогда не верил в чудеса. Ни до победы капитализма в СССР, ни после. Как закоренелый материалист, я абсолютно был уверен, что любому явлению есть логичное объяснение, а известные трюки, как гипноз, дело эстрадных шарлатанов на уровне иллюзионистов. Годами позже, правда, я наблюдал гипноз на расстоянии вытянутой руки, от чего до сих пор меня пробирает дрожь, когда я вспоминаю, как взрослые, сильные люди безо всякой объективной причины превращались в тряпичную куклу. Люди под влиянием всевозможных псевдо-религиозных «гуру» или шаманов казались мне безвольным обкуренным стадом, а толпы, безумно следовавшие за политическими лидерами – просто, дураками. События описываемого новогоднего дня до сих пор не нашли своего объяснения, и я даже признаю некоторую мистичность происшедшего. Современный интернет позволил восстановить точную хронологию того январского дня, и я с полной уверенностью могу заявить читателям, что на уютной кухне профессорского дома я провел не менее 5 часов. Мне самому в это с трудом верится, но это факт. Да, что там, скажут многие, сидели и долгие под водочку, да под хорошую беседу! Однако, водки-то была всего одна бутылка, это точно, больше мне, сопливному школьнику, было не выпить. А, вот, разговор... То, что я попался на удочку талантливого рассказчика, мне было, конечно, невдамок, но просидеть, не отрываясь, 5 часов - это уже гипноз, или, черт его там поймет, что! Было ясно, что студент любил рассказывать, и ему, возможно, было все равно кому рассказывать, но делал он это удивительно. Тихий, монотонный голос выплывал из табачных

клубов, завораживая собеседника. Мне совершенно не хотелось перебивать, спрашивать и оспаривать услышанное, что было бы вполне типично для пьяных посиделок. Нам никто не мешал, люди приходили и уходили, и лишь один раз я услышал за спиной, как Юра сказал кому-то: «А, Босс с Димой!..» Вероятно, в том доме беседовать «с Димой» было обычным делом. Дима рассказывал историю из своей жизни, интересную и в меру драматичную, но потрясающе захватывающую. Его рассказ, как неоконченная книга, волновал меня еще долго, и мне страшно хотелось продолжения. Позже я пытался совместить события и даты его рассказа, но у меня никак не сходилось. Я даже приставал к однокласснику с просьбой узнать телефон студента Димы, но тот только отмахивался. В глубине души я понимал, что услышанная история, вероятнее всего, – фикция, но она настолько задела меня, что я до сих пор помню тот увлекательный рассказ.

Москва, 1970-е годы.

..Обычному московскому школьнику Диме жилось вполне неплохо в Москве, которая хорошела и строилась в 1960-е годы. Как и тысячи других мальчишек он верил в СССР и мечтал стать летчиком. Родители мальчика не спорили, хотя здоровьем и силой маленький, щуплый очкарик явно не выделялся. Школьные годы пролетели незаметно, и к решительному моменту выбора жизненного пути Дима подошел неуверенно, с полу-детской мечтой о небе, которая быстро разбилась о короткую, рукописную резолюцию на приписном свидетельстве: не годен по здоровью. Дима совсем приуныл, но его вовремя поддержал одноклассник, назовем его Александр, видный спортсмен и любимец девчонок. Да, что там небо, на авиации свет клином не сошелся, надо ехать сдавать экзамены в другое военное училище. Выбор Александра был более приземленным, и он уговорил Диму поехать поступать в военное училище в далеком приволжском городе. Землякам всегда проще вдали от дома, но был и еще один пункт: Александр был закоренелым

двоечником, и иметь под рукой полу-отличника Диму на экзаменах было очень кстати. Но Дима сильно не возражал, родители отпускали сына под присмотром сильного друга, а дальше, как сложится. Однако, сложилось не совсем, как хотели. Не смотря на щуплое здоровье Дима успешно сдал все экзамены и был зачислен курсантом высшего военного училища связи МО СССР, а вот, Александр, не смотря на все спортивные заслуги, провалил экзамен по математике и укатил домой в Москву... Мертвая, выжженная степь, отсутствие приятеля, а главное - не очень яркая перспектива карьеры командира взвода не вдохновила искателя приключений Диму. И он написал рапорт об увольнении из училища, практически не приступив к учебе. Как известно, приказы в армии ходили медленно, и Дима проводил дни, безучастно всматриваясь в знойное марево неприветливой приволжской равнины. В один из таких безцельных дней к нему подошел незнакомый курсант-старшекурсник в выцветшем х/б и коротко представился: «Пугачев». Уточнив, что Дима отправляется обратно в Москву, старшекурсник попросил передать письмо его родителям, и, нацарапав на конверте адрес, передал его нашему герою.

В первые недели после возвращения Дима просто забыл о конверте. Сейчас трудно вспомнить: поступал ли Дима в московский ВУЗ в тот же год или потом, но московские дела закрутили его. Позже обнаружив письмо, он поспешил по указанному адресу, с трудом придумывая причину задержки. На звонок дверь открыла рыжая, веснушчатая девчонка, оказавшаяся сестрой волжского курсанта-связиста. Дима с облегчением передал письмо и собрался уходить, когда девчонка попросила дождаться с работы родителей, чтобы они могли поговорить о сыне, о котором очень скучали в Москве. Дима, конечно, остался, да и молодая говорливая хозяйка принялась угощать чаем. По рассказам Димы рыжая незнакомка была совсем молода, почти школьница, (что, как станет ясно, вызывает сомнение). Стараясь развлечь гостя, девчонка неожиданно села за пианино и стала играть веселую мелодию, которую, по ее словам, она придумала сама. «Арлекино, арлекино!..», ненавязчиво звучал голос, потому-что до эпохального успеха примадонны советской и российской сцены Аллы Борисовны Пугачевой было еще несколько лет...

А.Б.Пугачева, 1970-е годы.

Популярность А.Б.Пугачевой в 1975 году была на взлете, но для любого советского человека все связанное с именем звезды было чрезвычайно интересно. А поговорить с живым свидетелем таланта – просто удача. При полном отсутствии бульварной прессы подробности жизни советских знаменитостей передавались в виде рассказов и слухов, а сам человек, который знал, (слышал, видел), человека, который видел, (слышал, разговаривал, ел, пил, гулял), со звездой, даже совершенно неизвестной – становился полу-героем. Рассказ Димы звучал очень правдоподобно, за исключением мелочей, о которых я в тот момент не задумывался. Возможно, кто-нибудь слышал о службе брата звезды полковника в отставке Евгения Борисовича, и возможно он действительно окончил Горьковское военное училище связи, но с описанием Аллы Борисовны получалась накладка. Старшая сестра Евгения никак не могла быть школьницей на момент встречи с Димой. Эх, да, что там детали – рассказ-то был какой! Разве можно было Диме не верить!? Я бы, наверно, просидел на той кухне еще пять часов, но неожиданно Дима остановился и, посмотрев выше меня, спокойно сказал: «Здравствуйте». Я повернулся назад и в проеме двери увидел аристократической наружности даму, которая кивнула Диме, прожгла меня взглядом и молча удалилась. Следом в двери показался высокий мужчина средних лет, хозяин дома, неуловимо похожий на нашего одноклассника Юру. «Здравствуй, Дима», спокойно сказал хозяин, и я безошибочно понял, что наши посиделки закончились. Демократия... В доме началось какое-то движение, и, когда я пробирался ближе к выходу, то с удивлением обнаружил, что внушительная компания человек в десять привычно расположилась в гостиной на разных стульях перед цветным телевизором «Рубин», освещавшим полутемную комнату неясным светом. Видно, мои новогодние чудеса продолжались! Никто не обращал на меня внимания, но я для приличия шепотом попросил у кого-то разрешения остаться и присел сзади на притащенный из кухни табурет. Телевизор «Рубин» честно старался выдать яркие цвета, но больше всего это получалось по углам экрана: один красный, другой зеленый. В комнате зазвучала мелодия и пошли титры, знакомые абсолютно всем жителям советского и пост-советского пространства, потому-что в эфире была премьера фильма «Ирония судьбы»...

За последние 40 лет фильм «Ирония судьбы» стал неизменным атрибутом новогоднего застолья.

Советский цветной телевизор «Рубин» был неоспоримым предметом роскоши. Как-то сразу он выделился из ряда себе подобных, и, не смотря на весьма поганое качество картинки, был желанным предметом в любом состоятельном доме. Ситуация с цветными телевизорами в СССР в середине 1970-х напоминала мне ситуацию с автолюбительством. Большинство жителей главной социалистической страны мира мечтали о машине, но не имели ее. Машины были отечественные, выбор моделей был минимальный,

качество было ниже мировых стандартов, но в Советском союзе были «Жигули», а потом все остальные марки. Возможно, как и с цветным «Рубином», во всем виноваты были проклятые капиталисты, ибо первые цветные телеприемники были оснащены узлами и трубками японского производства, что делало картинку на экране яркую и надежную. Как известно, «нужным людям» с 1967 года распределялись советские авто «Жигули», собранные полностью из итальянских частей под присмотром специалистов «Фиата». За несколько лет до описываемых событий я сам с толпой изумленных зевак стоял в павильоне ВДНХ, замороженный до рези в глазах яркой картинкой первых отечественных «Рубинов». К 1975 году одновременно несколько электромеханических заводов стали собирать телевизоры с отечественной трубкой, и качество первых престижных «Рубинов», заметно снизилось. Однако, не снизилась цена: простому московскому инженеру с зарплатой 110 руб в месяц честного труда об отечественной чуде техники можно было не беспокоиться...

В 1975-году цветной телевизор «Рубин» оставался мечтой для многих москвичей.

Я часто спорил с окружающими: когда в первый раз показывали русско-народный фильм «Ирония судьбы»? По какой-то причине фильм был не сразу замечен публикой, и все без исключения называли года более поздние. В тот знаменательный новогодний день я фильма почти не увидел. То есть, я увидел, но совершенно не оценил. От выпитой водки и табачного дыма мозги не работали, и известные шутки из фильма и игра актеров не доходили. Я помнил только смутно знакомое лицо Б.Брыльски и дурацкое стояние Яковлева в пальто под душем. Я вернулся домой поздно вечером, сослался на головную боль и пошел спать. Утром происходившее накануне показалось странноватым сном, но в кармане куртки я обнаружил магнитофонную пленку, за которой я, собственно, и ездил на Красностуденческий проезд. Через две недели последних в своей жизни зимних каникул я вернулся в школу, где все наперебой хвалили новую замечательную комедию «Ирония судьбы», и я только кивал, чтобы никто не приставал с вопросами.

«Ирония судьбы, или С лёгким паром!» — советский двухсерийный телевизионный фильм режиссёра Эльдара Рязанова, созданный в 1975 году и впервые показанный в СССР 1 января 1976 года в 17:45 по первой программе ЦТ^{[1][2]}.»

Как это ни покажется кощунственным, но я не очень люблю этот народный фильм. Мне всегда приходит мысль, что создатели хотели сделать ленту более умной и тонкой, но народ полюбил героя Мягкова таким, какой он получился – наигранно пьяный, нагловатый с неестественным сочетанием жизненной неспособности и хитроватого оппортунизма. Смертельно пьяный человек не сражается за торжество любви, а идет спать, особенно в домашней обстановке. К слову, припоминается, как москвичи в первые годы поругивали фильм за приукрашенный уровень жизни героев: недоступную дубленку у обычного врача, обставленную на одну зарплату квартиру одинокой женщины, да, и вообще, пьяные путешествия в Ленинград. Как мне кажется, герой Мягкова в том же «Служебном романе», к примеру, выглядит гораздо органичнее в образе протокольного неудачника. Но, фильм «С легким паром!» полюбили, и навязывают его под Новый год уже 40 лет. Наверно, пьяные романтические приключения на праздник – мечта каждого! Неоспоримый успех фильмов конца советской эпохи заключается в смене времен. Сначала эти фильмы любили, как светлое пятно на однообразном фоне советской жизни, потом, в 1990-е, их любили, потому что все вспоминали, как хорошо мы жили в СССР, а сейчас наше поколение любит все то, что мы любили в молодости.

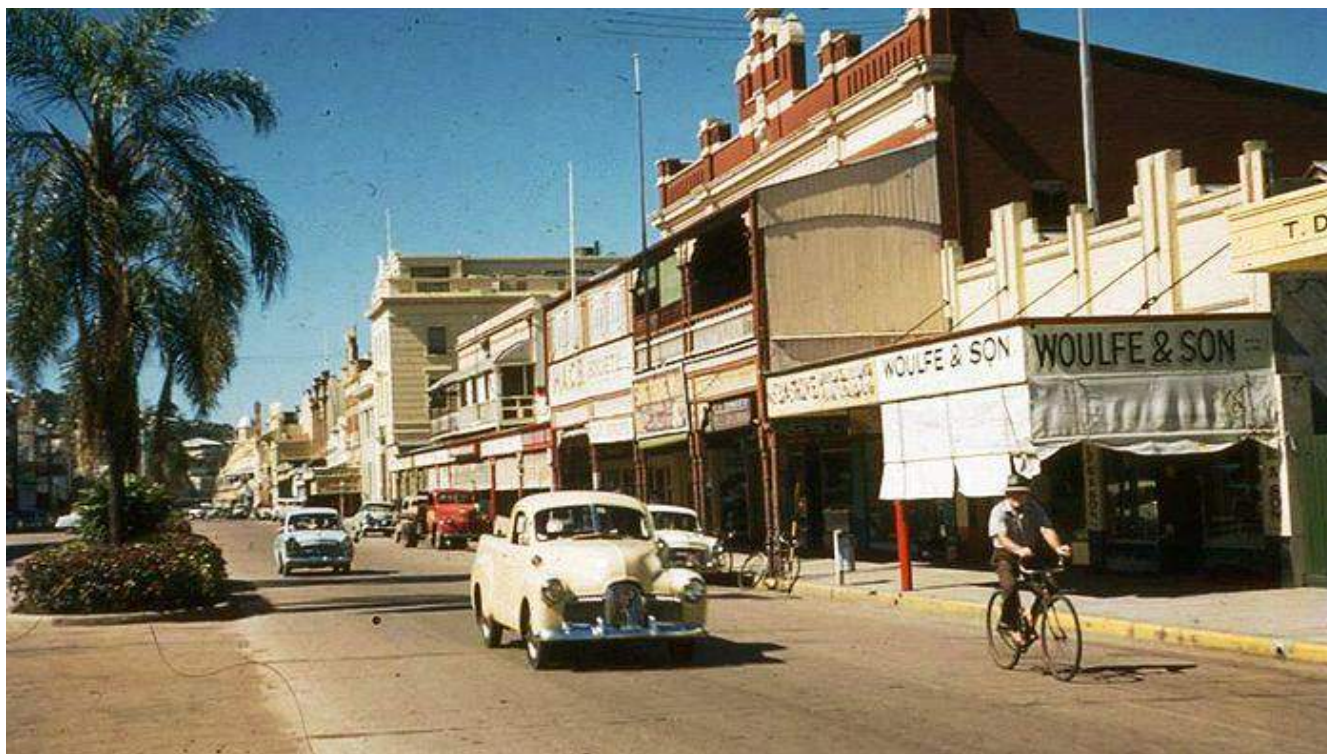

Автор в 1975-м году.

О природном даре вещателя я неожиданно вспомнил в 1983-м году когда служил на Дальнем Востоке. Я был командирован на полигон нашей бригады СПЕЦНАЗ, где проходили подготовку группы офицеров-приписников Дальневосточного округа. В отдаленных лесистых сопках Приморья, возле недружественной китайской границы развлечений не было никаких. При полном отсутствии алкоголя мужики вечерами развлекали себя рассказами вокруг костра. Приписники, или проще «партизаны», были весьма лихой компанией, и ожидать от них лирики не приходилось. Как-то вечером, я, новоиспеченный старший лейтенант с новыми прикрученными звездочками, подошел послушать про что там шла речь. Вокруг костра царил полная тишина, и только красные точки сигарет мерцали на темных лицах. Тихий монотонный голос продолжал рассказ, и я сразу вспомнил давно забытого студента Диму на профессорской кухне. Тот же занудный, без эмоций голос и нарочито растянутая речь. «Партизаны» заворожено слушали рассказ, звучащий нереальной сказкой. В течении нескольких часов невидимый рассказчик пересказывал историю свидетеля и участника события редкого, если, не уникального: первый визит советских торговых судов в далекую Австралию...

Вероятно, если копаться в архивах, то прикинуть когда и куда точно состоялся первый рейс советского торгового флота в Австралию можно. Однако, вспомнив размер континента, можно представить, что подобный визит мог проходить в разные порты и в разные годы. Пропустив подробности о мифическом участнике знаменательного рейса, могу предположить, что первая загрузка советских сухогрузов австралийским зерном происходила в 1960-х годах. В любом случае, рассказ был похож на правду, или почти на правду, ибо типичные персонажи советских судовых команд, типа вездесущих КГБэшников, присутствовали на флоте везде. В сокращенном виде вечерний рассказчик с неоспоримым талантом вещателя поведал завороженной группе слушателей следующее:

Австралия, 1960-е годы.

Группа советских судов была направлена в Австралию под загрузку зерном. Рейс был первый, колониальная территория Англии, понятное дело, была вражеской территорией, о чем с командой была проведена работа до и во время рейса. Народ был подобран порядочный, и об «употреблении» на берегу речи быть не могло. С непривычки пораженные неожиданной жарой, матросы вглядывались в малопривлекательные ландшафты новой страны, прикидывая ее благосостояние. Портовые сооружения не обещали развлечений, когда, подойдя на швартовку, команда обнаружила на пирсе длинную очередь самых разнообразных машин и внушительную толпу, явно заинтересованную советским сухогрузом. Пока КГБэшник-«особист» вместе с капитаном прикидывали стоит ли вообще выпускать команду, возле трапа собралась делегация австралийцев вместе с полицией. Непривычные переговоры могли поставить руководство рейса в тупик, когда немолодой высокий мужчина в странной широкополой шляпе на чистом русском языке пригласил «господина капитана» на переговоры. Оставив судно на старпома, капитан вместе с «особистом» спустились вниз, где были ознакомлены с волеизъявлением астралийской стороны принять «господ русских моряков» в честь их первого визита в австралийских порт. Не успел «особист» открыть рот, как «господину капитану» представитель местной власти через того же переводчика сообщил, что все матросы будут возвращены на судно в установленное время. При этом полицейский чинно передал капитану длиннющий список с английскими фамилиями и адресами. Оказалось, что большая толпа мужчин и женщин на своих машинах прибыли в порт, чтобы по одному (!) разобрать выпущенных с корабля моряков и развести их по домам для отдыха и общения. «Особист» позеленел от ужаса, но потом вообще замолчал, ибо инструкций на такой случай ни у кого не было. Дело пахло политическим актом: все австралийцы, приехавшие в порт с петицией, оказались этническими русскими, родившимися в Китае после революции и эмигрировавшими позже в Австралию. Многие из них в глаза не видели ни Россию, ни русских, но говорили на чистом русском языке.

Австралия, 1960-е годы.

Вероятно, руководством советского торгового флота предусматривались разные сложные ситуации в иностранном порту, но подобного не было никогда! «Особист» сорвался звонить «куда надо», а делегация вежливо попросила капитана дать список команды, чтобы активисты смогли заполнять лист гостей. Времена поменялись, и наличие внушительной русской диаспоры на краю земли изменило решение руководства: капитану разрешили выпустить команду под свою ответственность. Предполагаю, что бедный капитан уже мысленно попрощался со своей должностью, когда ему все так же чинно был вручен по-английски аккуратно написанный список адресов и владений, против которых стояли русские фамилии его матросов, всех, как один, непьющих и морально устойчивых. Через двое суток загрузки австралийская сторона обещала вернуть всех матросов в целости. Можно представить неожиданное счастье моряков, которых вместо прокуренных портовых кабаков посадили в большие семейные седаны с восторженными бабами и детьми и повезли на громадные местные фермы. Некоторые имена находились за сотни километров от портового города, и дорога предстояла нешуточная. Любой может представить себе подробности того отдыха, скажу, лишь, что все без исключения члены команды были возвращены на борт в установленный срок, некоторые, правда, не совсем в «строевом» состоянии: проводы были слишком радушными. Никто из членов команды не был наказан, подаренная валюта и подарки изъяты по описи, а корабль, загруженный зерном вышел в море по расписанию. В последующие годы рейсы советских сухогрузов в австралийские порты стали регулярными, и особых приемов в честь прибытия «господ русских моряков» уже никто не устраивал...

Ст.л-т С.Игнатычев, второй слева. Воздушно-десантная подготовка приписного состава, Приморский край, 1983 –й год.

Как простой советский обыватель, я знал о далекой Австралии до стыда мало, даже в день своего прилета. Может, мне лень было загружать голову туристической ерундой, а, может, не очень хотелось разочаровываться, увидев чужую жизнь наяву. Тот неожиданный рассказ-легенда был единственным, пусть приукрашенным, рассказом очевидца о «зеленом» континенте. Прожив в Австралии почти 20 лет, я могу сказать, что такой случай мог быть правдой. Австралийцы – неисправимые идеалисты, живущие в стране, где больших событий и крутых изменений жизни весьма мало на целые десятилетия. Даже сегодня русские здесь - весьма загадочные персонажи, и о России судят по едкой английской пропаганде и по нам самим – немногочисленным представителям большой, холодной и малодружелюбной страны. А этнических, «харбинских» русских уже совсем не осталось. Дети и внуки первых русских эмигрантов давно стали австралийцами, и, вместе с потомками приехавших из Греции, Италии и Югославии, составляют сейчас часть «белого» населения страны, к сожалению, заметно сокращающегося в последние годы. Что касается тех рассказчиков, о которых шла речь выше, то я их, конечно, больше не встречал. Хочется верить, что в последующие более демократические времена они смогли применить свой несомненный талант. Мои одноклассники, все без исключения люди состоявшиеся и состоятельные, продолжают жить в Москве, давно поменяв свои профессии и адреса.

В заключение мне хочется пожелать всем, кто помнит старые советские времена, по-чаще вспоминать хорошие эпизоды нашего не такого еще далекого прошлого.

Sydney 2016

Москва, 1970-е годы.